

Введеніе.

Значеніе и сущность аскетическихъ подвиговъ: „юродства“ и „столпничества“. Задачи изслѣдованія.

Матеріалисты говорятъ, что нѣтъ ни нравственности, ни свободной воли, что человѣкъ есть только болѣе развитое животное, механически слѣдующее законамъ матеріальной необходимости, что, поэтому, для него нравственно только одно то, что полезно его матеріальной природѣ. Къ концу римской республики принципомъ жизни большинства сдѣлалось ученіе Эпикура. Пороки, совершаемые послѣдователями этого ученія, были такъ отвратительны, что самые легкомысленные люди ужасались, смотря на развратъ тогдашняго общества и каждого приверженца Эпикура называли свиньею изъ стада Эпикурова (*Epicuri de grege porcus*). Праздность, которая развѣдала всю гражданскую жизнь, страшное распространеніе роскоши и грязнаго служенія чувственности въ высшемъ классѣ и пролетаріата въ низшемъ, который отъ того сдѣлался товаромъ,—все это было слѣдствіемъ деморализаціи. Были только отдѣльныя личности, которыя съ любовію принимали строгія положенія стоицизма, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ нихъ найти нѣкоторое успокоеніе предъ всеобщей безнравственностію и распушенностію. Когда въ XVII и XVIII вв., матеріализмъ, вышедшій изъ Англіи, распространился по Франціи и сдѣлался популярнымъ въ литературѣ и искусствѣ, въ придворной и частной жизни, судьба отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго государства была рѣ-

шена. XVII вѣкъ былъ лъстивъ, но онъ и въ самой лести сохранялъ извѣстную мѣру благопристойности, но XVIII вѣкъ льстилъ и вмѣстѣ осмѣивалъ; эпикурейская философія Вольтера сдѣлалась верхомъ совершенства для людей поверхностныхъ. Безнравственность XVIII вѣка есть пятно, котораго не въ состояніи смыть всѣ чудеса его краснорѣчія и геніальности. Матеріализмъ тогда стремился къ тому, чтобы, заглушая голосъ совѣсти, открыть для игры страстей свободное, неограниченное поле. Хотя реформаторы древности: Сократъ, Платонъ, Цицеронъ, Сенека преслѣдовали предразсудки и суевѣрія своего народа съ большею пощадою, однако мы не находимъ, чтобы свободу духа они употребляли на разрушеніе узъ нравственности. Въ XVIII же вѣкѣ зараза умственного безобразія проникла даже въ души самыхъ строгихъ писателей. О словѣ „добродѣтель“ XVIII вѣкъ не имѣлъ понятія. У Вольтера „добродѣтель“ является искусствомъ сдѣлать жизнь по возможности пріятною и украсить наслажденіе лоскомъ изящности. У писателей второго и третьяго ранга и въ *système de la nature* добродѣтель и порокъ были смѣшаны. Кондильякъ эмпиризмъ Локка превратилъ въ плоскій сенсуализмъ и атеизмъ. Руссо въ своихъ сочиненіяхъ разлилъ ядъ чувственныхъ удовольствій и основалъ систему ложной религіи. Энциклопедисты располагали къ чувственности. Отсюда, появилось божество—разумъ и стали приносить жертвы свободѣ, равенству и природѣ. Положимъ современный матеріализмъ не проповѣдуетъ прямо безнравственности, разврата, подобно матеріализму XVIII вѣка, но результатъ его все тотъ же. Что разумѣютъ современные матеріалисты подъ свободою? не что иное, какъ освобожденіе отъ всѣхъ узъ и ограниченій, которыми связываются страсти. Обращаясь къ настоящему времени, нельзя не замѣтить небывалаго оживленія мысли въ нашемъ обществѣ. По вызову жизни, она занялась рѣшеніемъ множества вопросовъ, для своего выраженія открыла себѣ новые органы и для своей стойкости пришла къ сознанію необходимости общихъ началъ—необходимости философіи.

Теперь не рѣдкость встрѣтить философскую статью въ томъ или другомъ періодическомъ изданіи. Но нельзя безъ глубокаго сожалѣнія не обратить вниманія на то, что современные мыслители нерѣдко переходятъ на сторону такихъ наставниковъ, съ мнѣніями которыхъ никогда не можетъ помириться истинно и твердо вѣрующая душа. Заслушиваясь матеріалистическимъ ученіемъ, наши мыслители и въ статьяхъ, конечно не всегда сознательно, проводятъ взгляды, враждебные христіанству, сужденія, набрасывающія тѣнь на его жизненность ¹⁾. Желая набросить тѣнь на жизненность и прогрессивныя стремленія христіанства, его нѣкоторые противники, поборники эмансипаціи чувственности и проповѣдники возстановленія правъ матеріи, говорятъ, что „только одно чувственное составляетъ послѣднюю, самую высшую цѣль этой жизни. Христіанство своею проповѣдію о воздержаніи сдѣлало несправедливость по отношенію къ чувственности; поэтому, чувственность должна опять возвратить свои права и возстановить свою честь, чтобы впередъ только такъ выражались: и плоть стала духомъ“. Послѣднія слова служатъ краткою, но вполне содержательною формулою для всѣхъ матеріалистическихъ стремленій ²⁾. Подобнаго рода матеріалистическія стремленія и приводятъ къ религіозному скептицизму, и люди міра сего, пропитанные матеріализмомъ, ниспровергають все то, что выходитъ изъ ряда обыкновеннаго, питають презрѣніе ко всему, что было плодомъ долгихъ нравственныхъ страданій и подвиговъ, хранятъ недовѣріе къ тому, что возвышается въ дѣлѣ или въ мысляхъ надъ общею моралью, готовы соблазняться весьма многимъ изъ того, что не подходитъ подъ ихъ матеріалистическую мѣрку понятій и убѣжденій, нерѣдко одностороннихъ и неустойчивыхъ. Къ явленіямъ, неподходящимъ подъ мѣрку убѣжденій современныхъ матеріа-

¹⁾ „Современный матеріализмъ въ Германіи“, перев. съ французскаго. СПб. 1868 г. и „матеріалы для разоблаченія матеріалистическаго нигилизма; собраны изъ нѣмецкихъ источниковъ. СПб. 1864 г. ²⁾ Апологія христіанства. Геттингера ч. I, отд. I, перев. съ нѣмецк. языка свящ. Г. Чельцова. СПб. 1873 г. стр. 195.

листовъ, относятся два вида подвижничества: „юродство“ и „столпничество“, которые по своей необычности составляютъ загадку для общества, не всегда способнаго примѣчать божественную благодать, обитавшую въ святыхъ. Если современниками „юродство“ и „столпничество“ признавались за явленія ненормальныя, то не удивительно, что послѣдователи этихъ подвиговъ въ глазахъ большинства и особенно современной интеллигенціи представляются людьми безразсудными, сумасшедшими, а ихъ жизнь и дѣйствія способны вызывать только среди скептиковъ глумленіе и презрѣніе. Вѣдь, міръ даже не узналъ Господа, и распылъ Его ³⁾). Отсюда понятно, что то, что слѣпотствующій міръ сдѣлалъ въ отношеніи къ Іисусу Христу, тоже самое нерѣдко повторяетъ онъ и въ отношеніи къ вѣрнымъ рабамъ Его, которые, при всемъ обилии дѣйствовавшей въ нихъ благодати Божіей не только не признаны были за сосуды божественной благодати, но составляли предметъ различныхъ, противоположныхъ толковъ и были большею частію въ презрѣніи и поношеніи у міра. Христіанскому потомству достается честь узнать и воздать дань справедливой хвалы вѣрнымъ рабамъ Господа, опредѣлить ихъ значеніе и важность ихъ подвижническихъ трудовъ.

Надъ уровнемъ людей всегда и во всѣ времена возвышались личности, голоса которыхъ, господствуя надъ массами, какъ бы направляли человѣчество туда, куда хотѣли. Эти личности, вырабатывая мнѣнія, которыя, привившись къ большинству, часто въ послѣдствіи обращались въ законы, вели толпы за собою, научали, наставляли. Чѣмъ сильнѣе были эти личности, тѣмъ поразительнѣе, огромнѣе было ихъ вліяніе, тѣмъ могущественнѣе было ихъ слово, тѣмъ рельефнѣе выдавались послѣдствія ихъ ученія. Справедливо присвоить всѣмъ имъ одно названіе—учители человѣчества. Человѣчество съ благоговѣніемъ сохранило и чтитъ память давно, очень давно, бывшихъ учителей, принесшихъ несомнѣнную пользу, облагороди-

³⁾ 1 Кор. II, 8.

вшихъ, такъ сказать, природу человѣка. Сократъ, Платонъ и подобные имъ не могутъ никогда быть забыты признательнымъ человѣчествомъ.

Но давно, очень давно появилось два отдѣла ученій: ученіе истины и ученіе лжи. Первый Учитель человѣчества былъ Самъ его Творецъ. Одаривъ человѣка всѣми благами и давъ ему блаженную жизнь, Самъ Онъ и наставлялъ его, бесѣдовалъ съ нимъ, указывалъ ему силы, тайны природы, что видно изъ того, что первозданный человѣкъ уразумѣлъ свойства животныхъ ⁴⁾, уразумѣлъ и созданіе жены отъ одной съ нимъ плоти ⁵⁾. Но въ раю же человѣкъ услышалъ и ученіе лжи. И съ тѣхъ поръ надъ человѣчествомъ раздаются и слышатся два голоса, два ученія. Голосъ правды, голосъ святой истины звучитъ въ откровеніи Самого Творца и въ ученіи Его избранныхъ служителей истины. Этотъ голосъ зоветъ человѣка къ возвращенію утраченныхъ благъ, не льститъ, не скрываетъ отъ него золь и бѣдствій, привлеченныхъ грѣхомъ на землю, онъ указываетъ прямой вѣрный путь къ блаженной вѣчности, уготованной Творцомъ Своему созданію. Такими учителями человѣчества по справедливости можно назвать всѣхъ святыхъ подвижниковъ, и въ частности, святыхъ юродивыхъ и святыхъ столпниковъ. Это сѣмя святое ⁶⁾; это вожди человѣчества въ нравственной жизни, указывающіе ему путь, куда надо идти, раскрывающіе предъ его глазами картину нравственной распущенности современнаго имъ общества и призывающіе его къ исправленію путемъ обличенія гордости, личныхъ расчетовъ и движеній возбужденныхъ страстей, влекущихъ человѣка къ преступленіямъ, обидамъ, несправедливостямъ. Въ своей жизни святые юродивые и святые столпники являли образецъ смиренія, кротости, терпѣнія и примѣромъ своимъ стремились развить эти святые чувства въ людяхъ, возвысить ихъ надъ побужденіями личнаго самолюбія и возстановить его въ полную силу закона любви къ ближнимъ, показать несостоятельность нечело-

⁴⁾ Быт. II, 19. ⁵⁾ Быт. II, 23. ⁶⁾ Исаи VI, 13

вѣколюбія. Въ этомъ отношеніи святыя юродивыя и святыя столпники и для современнаго общества служатъ вполне достойными образцами добродѣтелей и святости. Міръ признаетъ для себя счастьемъ имѣть достойныхъ и талантливыхъ дѣятелей науки, дѣятельныхъ и способныхъ государственныхъ людей, двигателей искусствъ и цивилизации; но не гораздо ли необходимѣе имѣть нравственные примѣры, которыми можно было бы руководствоваться для истиннаго благоугожденія Господу Богу. Для лучшаго укрѣпленія на трудномъ пути добродѣтелей образъ святыхъ подвижниковъ особенно важенъ, такъ какъ они, подобострастные намъ люди, указали путь къ небесному отечеству; конечно, мы не хотимъ сказать того, что всѣмъ надо сдѣлаться юродивыми или столпниками. Нѣтъ! а должны научиться ихъ примѣромъ достиженію нравственной чистоты и святости, подражать имъ не внѣшне, а внутренне, восходить отъ силы въ силу, отъ вѣры въ вѣру. Вѣдь, самый первый вопросъ, какой долженъ задавать себѣ всякій человѣкъ, есть вопросъ о цѣли, смыслѣ жизни. Люди живутъ въ мірѣ не для того, чтобы требовать служенія себѣ, чтобы сдѣлать міръ своимъ служебнымъ орудіемъ, какъ это тогда бываетъ, когда человѣкъ представляетъ себя самого средоточіемъ и цѣлью всего. По требованію здраваго смысла каждый напередъ долженъ опредѣлить для себя путь, которымъ надобно идти. Путь этотъ—служеніе Господу. Въ самомъ дѣлѣ, служить Богу, Которому должны служить всѣ твари, служить Ему съ тою полною свободою, которая свойственна истинной преданности и любви, исполнять вѣчный планъ Его безконечной премудрости, творить дѣло Его высочайшей воли и непредѣльнаго милосердія,—вотъ та слава и то блаженство, которыя равняютъ человѣка съ ангелами, исполняющими волю Божию. А тому, какъ достигать исполненія воли Божіей, какъ при свободномъ нравственномъ поступаніи и дѣйствованіи возможно постигать высочайшую волю Божію и слѣдовать ей не рабски безсознательно, хотя съ полнымъ отреченіемъ отъ своей воли, но по доброму и свободному

убѣжденію—и учать насъ святыя подвижники, а въ частности святыя юродивые и святыя столпники. Ихъ жизнь—это лѣствица нравственнаго восхожденія отъ силы въ силу, это высокій подвигъ стремленія лишь къ исполненію только одной воли Божіей, подвигъ, на который вступаютъ не по принужденію и насилію, какъ рабы, а съ довѣріемъ и съ любовію къ Богу, въ смиренномъ, однако, сознаніи своего недостойнства, съ прикрытіемъ своихъ добродѣтелей и высокихъ качествъ духа. Святыя юродивые и столпники, воспитывая въ себѣ челоуѣка къ жизни вѣчной, чрезъ это самое оказывали благотворное вліяніе на современное общество и нынѣшнему своею жизнію раскрываютъ его обязанности и истинную цѣль жизни. Святыя юродивые ненормальностью своихъ дѣйствій вливали въ погрязшій въ грубой чувственности духъ современнаго имъ общества, подобно ветхозавѣтнымъ пророкамъ, новую благодатную струю жизни духовной, а святыя столпники своими удивительнѣйшими аскетическими подвигами на столпахъ научали людей особой духовной бодрости и силѣ въ добродѣланіи неутомимомъ и какъ бы отрѣшаясь отъ земли, они ясно всѣмъ проповѣдывали съ апостоломъ: „вышнихъ ищите; горняя мудрствуйте, а не земная“ ⁷⁾.

Такимъ образомъ, стремленіе къ міру духовному и божественному, непрестанное желаніе и жажда сердца живѣйшаго общенія съ горнимъ міромъ, непрестанное стремленіе войти туда, „идѣже есть Христосъ одесную Бога“ ⁸⁾,—вотъ сущность подвиговъ „юродства“ и „столпничества“, сущность, которая должна составлять самую существенную и неотъемлемую черту и жизни каждаго истиннаго христіанина, поскольку онъ дѣла своего спасенія не считаетъ чѣмъ -нибудь малозначущимъ и неважнымъ. Въ виду этого „юродство“ и „столпничество“ суть одни изъ величайшихъ аскетическихъ подвиговъ, принимаемыхъ избранными угодниками Божіими подъ особымъ воздѣйствіемъ благодати, —принимаемыхъ и въ интересахъ даль-

⁷⁾ Колос. III, 1, 2. ⁸⁾ Колос. III, 1.

нѣйшаго нравственнаго усовершенствованія подвижниковъ и для служенія обществу, для котораго святые юродивые и святые столпники не дорожили ни своимъ спокойствіемъ, ни выгодами, отказывались отъ всѣхъ мірскихъ удовольствій, жертвовали всѣми надеждами въ этомъ мірѣ, готовы были на пожертвованіе самымъ блаженствомъ неба (напр. св. Симеонъ Дивногорецъ), подобно святому пророку Моисею, лишь бы только спасти другихъ, доставить имъ блаженство.

Но „юродство“ и „столпничество“ взору современнаго человѣка въ лучшемъ видѣ представляются не болѣе, какъ явленія странныя, непонятныя,—далѣе затѣмъ, какъ явленія безцѣльныя, неразумныя, даже могущія, особенно „юродство“, вводить другихъ въ соблазнъ, слѣдовательно, прямо разрушительныя въ сферѣ нравственной, о чемъ въ свое время писали г. Розановъ ⁹⁾, г. Скабичевскій ¹⁰⁾, гг. Стоюнинъ и Энгельгардъ ¹¹⁾; историки же Гизо и Гиббонъ, писавшіе о столпникахъ, излили на нихъ изъ-подъ пера весь свой желчь, называя образъ ихъ жизни недостойнымъ человѣка-христіанина и объясняя его то гордостію, то фанатизмомъ.

Итакъ, „юродство“ и „столпничество“, какъ сами по себѣ—по своей необычайности и рѣдкости, такъ и по тѣмъ упрекамъ и нападеніямъ, какимъ они подвергаются со стороны противниковъ своихъ, невольно должны обращать вниманіе всякаго, кто принимаетъ участіе въ дѣлахъ церкви Христовой и для кого дорого и всякое, а тѣмъ болѣе необычайное, явленіе, въ ней происходящее.

Вотъ обстоятельства, побуждающія разсматривать эти два, однородныхъ по своей оригинальности, подвига. Всякому изслѣдователю, вращающемуся въ подобной области, необходимо выяснить побужденія и цѣли и разсмотрѣть подобныя, якобы ненормальныя, явленія, въ отношеніи къ природѣ человѣка и духу вѣры, разсмотрѣть ихъ съ вну-

⁹⁾ Новое время 1897 г. 31 декабря. ¹⁰⁾ Русская мысль 1900 г. X и XI кн.
¹¹⁾ Книжки „Недѣли“ 1897 г. I

тренней и высшей стороны, потому что для людей, мало знакомых съ вышею духовною жизнью, „юродство“ и „столпничество“ являются, конечно, смѣшными, отвратительными и лишь съ той узкой точки зрѣнія, съ какой непонятными и безцѣльными могутъ для нихъ казаться всѣ проявленія высшаго аскетизма. На изслѣдователѣ духа этихъ подвиговъ и лежитъ обязанность правильного сужденія о нихъ, ему необходимо глубоко всмотрѣться въ эти странныя малопонятныя явленія, не опуская изъ вниманія всѣхъ поразительныхъ проявленій высокодуховной жизни святыхъ юродивыхъ и святыхъ столпниковъ, чтобы поверхностное сужденіе о нихъ противниковъ всяческаго аскетизма оказалось шаткимъ, ошибочнымъ. Въ частности, въ вопросѣ о юродивыхъ изслѣдователю предстоитъ рѣшеніе задачи,— какъ святые юродивые, показываясь жалкими и безумными, приумножали постоянно сокровища духовнаго совершенства и нравственнаго преуспѣянія, напоминая другимъ о высшей цѣли жизни, ему должно выяснить высоту столь труднаго подвига, которая можетъ быть понята и оцѣнена тогда только, когда мы представимъ себѣ,—сколько здѣсь требуется мудрости, чтобы въ смѣшномъ поведеніи, въ странныхъ, по видимому, безумныхъ дѣйствіяхъ не дозволить чего либо грѣховнаго, какой либо несправедливости, неуваженія къ другимъ или оскорбленія, въ неблагопристойномъ—ничего соблазнительнаго, и чтобы свое безславіе обращать въ славу Божию и на пользу ближнихъ. Путь чрезвычайно трудный и опасный! какъ, въ самомъ дѣлѣ, подражая безразсудству самыхъ низкихъ людей, сохранить всегда возвышенный духъ, стремящійся къ Богу? какъ, непрестанно ругаясь міру, обнимать, однако-же, всѣхъ совершенною любовію? какъ уберечь себя отъ духовной гордости тому, кто переноситъ столько оскорбленій и лишеній, сознаетъ, что все это терпитъ онъ невинно и что онъ совсѣмъ не то, за что почитаютъ его невѣжды? Такимъ образомъ, предстоитъ въ дальнѣйшемъ,—насколько возможно точно и обстоятельно, раскрыть сознательность и нравственное достоинство „юродства“, объяснивъ всѣ тѣ черты, которыя являются характеристическими

необычайнаго образа жизни юродивыхъ, и которыя въ глазахъ людей, живущихъ по общепринятымъ, ходячимъ правиламъ гражданскаго приличія, людей, такъ называемыхъ цивилизованныхъ, могутъ возбуждать сомнѣніе относительно внутренней законности и цѣлесообразности подвига „юродства“,—а именно: наружное сознательное отреченіе отъ пользованія разумомъ, составляющимъ высшее отличіе и преимущество человѣка, видимо неблагопристойное отреченіе отъ всѣхъ внѣшнихъ правилъ и законовъ гражданскаго общежитія, полное презрѣніе къ принятымъ въ свѣтѣ приличіямъ, лишеніе себя всякихъ дозволенныхъ благъ и невинныхъ радостей. Далѣе,—слѣдуетъ раскрыть, какъ въ жизни этихъ святыхъ послѣдователей Христа проявлялись всѣ христіанскія добродѣтели, завѣщанныя въ святомъ Евангеліи, въ частности: любовь къ Богу и ближнимъ до самоотверженія, стояніе за правду до смерти, незлобіе и терпѣніе при невинныхъ страданіяхъ, нестяжательность, воздержаніе, усердіе къ молитвѣ и пр. и пр. „Столпничество“ же, какъ одинъ изъ тѣхъ узкихъ и скорбныхъ путей, которыми царствіе небесное нудится, какъ одна изъ тѣхъ аскетическихъ формъ, угодныхъ Богу, въ которыхъ выражается стремленіе достигнуть возможнаго нравственнаго совершенства, нуждается въ выясненіи своей сознательности и права занять одно изъ первыхъ мѣстъ высшаго христіанскаго аскетизма. Поэтому, чтобы правильно судить объ этомъ великомъ, изумительномъ и необычайномъ подвигѣ необходимо разсмотрѣть причины и цѣли, побуждавшія столпниковъ уклоняться отъ обыкновенной подвижнической жизни и предпринимать новый, чрезвычайно тяжкій и оригинальный образъ жизни, показать, что въ подвигѣ столпостоянія не заключается никакой несообразности съ природою человѣка, какого мнѣнія могутъ держаться только тѣ, которые или невѣрно смотрятъ на природу человѣка или потому, что о „столпничествѣ“ судятъ по своимъ силамъ, далѣе, справедливо рѣшить вопросъ—согласно ли оно съ духомъ христіанской вѣры, въ виду того, что всѣ дѣйствія должны быть совершаемы въ духѣ вѣры, иначе и ве-